

Екатерина Хинкиладзе, ЛИТЕРАТУРА ЗА ГРАНИЦАМИ ВЫСОКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: БЕЛЛЕТРИСТИКА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-х – 1930-х гг., Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016, с. 352.

Литература русского Зарубежья пользуется в последнюю четверть века неослабевающим вниманием исследователей как в самой России, так и за ее пределами. К настоящему времени в научный оборот введены и неплохо изучены художественные, публицистические, литературно-критические, мемуарные, эпистолярные тексты, эссеистика, теоретико- и историко-литературные труды, созданные так называемым «верхним слоем» русской эмиграции. Несмотря на призывы к изучению литературы русского Зарубежья как многослойной динамической системы (Бронислав Кодзис), по-прежнему доминирует исследовательская сосредоточенность на именах писателей первого ряда. Такой подход определяет ограниченную избирательность литературы русского Зарубежья, так как в поле зрения ученых по-прежнему оказываются лишь отдельные артефакты.

Украинская исследовательница пытается отойти от сложившегося стереотипа в изучении литературы русского Зарубежья и сосредоточивается на пока почти не исследованной беллетристике, которая, наряду с массовой литературой, составляет, как правило, базу любого историко-литературного процесса в его полиструктурности и многозначности. Екатерина Хинкиладзе анализирует мало кому известные романы, повести, рассказы таких полузабытых авторов, как Георгий Гребенщиков, Петр Краснов, Владимир Крымов, Сергей Минцлов, Андрей Ренников, Евгений Чирикови др. В общей сложности в поле ее внимания находится более тридцати произведений; кроме того, в качестве контекстуальных она привлекает множество произведений других писателей, созданных как в диаспоре, так и в России. Эмигрантская беллетристика позиционируется при этом как явление сложное, возникшее за пределами метрополии в новых социально-исторических и культурно-географических условиях, но в то же время сохранившее русский цивилизаторский ареал.

Большое место в книге занимает раздел преимущественно реферативного характера, посвященный теоретико-методологическим аспектам изучения, с одной стороны, литературы русского Зарубежья 1920-х–1930-х гг., а с другой – собственно беллетристики. Е. Хинкиладзе сосредоточена на общей презентации основных тенденций в исследовании литературы русского Зарубежья. При этом она опирается на фундаментальный труд Глеба Струве *Русская литература в изгнании*, привлекает работы других исследователей (хотя из библиографи-

ческих источников здесь явно недостает книги Бронислова Кодзиса¹), включает собственные наблюдения, которые развивают некоторые позиции, намеченные предшественниками. Интересны, например, суждения об исторической прозе «старших прозаиков» – Дмитрия Мережковского и Марка Алданова. Причем эти размышления об *исторической прозе* двух авторов, не являющейся непосредственным предметом исследования, казалось бы, совершенно лишние с точки зрения логического развития главной темы исследования, оказываются контекстуально значимыми в книге, придавая ей объемность и полемичность. Рассматривая беллетристику как явление литературной многорядности, Автор опирается на работы Исаака Гурвича, Владимира Марковича, Натальи Вершининой о беллетристике XIX века, а также на многочисленные исследования специалистов о современной миддл-литературе, создавая таким образом соответствующий терминологический аппарат и методолого-технический инструментарий, необходимые для полноценного анализа беллетристических текстов русского Зарубежья.

В центральных главах книги представлен анализ прозаических произведений, в процессе которого Автор тщательно выявляет наследуемые беллетристами-эмигрантами традиции русской классической прозы, изучает и описывает их формы, а также пути и способы их трансформации в новых условиях. Все разделы основной части книги строятся по единому принципу «от общего к частному»: дедуктивное знание о том или ином прозаическом жанре выступает основой для последующего индуктивного исследования конкретных произведений, а полученные результаты становятся базовыми для новых обобщений. Этот принцип позволил Е. Хинкиладзе эффективно сосредоточиться на определенных моделях исторически сложившихся и развивающихся литературных форм и жанров.

Так, изучая *традиции семейного романа-«хроники» в беллетристике 1920-х – 1930-х гг.*, Е. Хинкиладзе, опираясь на работы предшественников, устанавливает такие общие черты жанра *семейного романа-«хроники»*, как «линейная хроникальность; тематика, связанная с проблемами семьи, рассмотренными на социально-историческом фоне; изображение нескольких поколений одной семьи, как правило, разбшающейся, разрушающейся к концу повествования; значительный объем текста» и др. (с. 89), а затем выявляет их в конкретных текстах.

Из писателей-эмигрантов наиболее плодотворно традиции романа-хроники развивал Георгий Гребенщиков (1883–1964). Будучи выходцем из простой алтайской семьи, он сумел стать популярным журналистом-писателем, редактором газеты «Жизнь Алтая», сотрудничал с сибирскими и центральными изданиями. С 1916 г. Гребенщиков на фронте, позже с остатками белой армии оказался

¹ Бронислов Кодзис: *Литературные центры русского Зарубежья. 1918–1930. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*. München 2002. 318 с.

в Крыму, а в 1920 г., не приняв новой власти, эмигрировал из России (Турция, Франция, США). Его восьмитомный роман *Чураевы*, основанный на алтайских впечатлениях, включает события исторические и автобиографические. Рассматривая *Чураевых*, Автор книги констатирует, что роман Гребенщикова отвечает критериям *семейного романа-«хроники»* (с. 89) и последовательно выявляет черты указанного жанра в тексте. Далее, сравнивая *Чураевых*, в частности, с *Гардениньми* (1889) Александра Эртеля (1855–1908), обнаруживает соответствие традициям народнической прозы, но и некоторое их переосмысление (с. 91–92); а в сравнении с семейной хроникой Евгения Чирикова (1864–1932) *Отчий дом* (1929–1931) – наоборот, отмечает контрастность в оценках «прошлого и настоящего» (с. 92–95). Автор отмечает в романе Гребенщикова также черты, характерные для литературы Серебряного века: обращенность к библейской тематике, к идеям жизнелюбия и вечной женственности, к философским спорам о судьбе России и мн. др. (с. 81–83). В конечном итоге своеобразие романа Гребенщикова Автор видит в оригинальном использовании писателем литературы классической и современной: некоторые аспекты семейного романа-«хроники» сочетаются с элементами романа исторического, философского, вводятся мотивы литературы Серебряного века, народнические устремления и пр. Наследование и развитие разных жанровых моделей дало возможность писателю, по верному заключению Автора книги, показать «идиллическую жизнь дедов», «заветы отцов» и духовные искания нового «героя времени» в драматических событиях русской жизни конца XIX – первой трети XX вв. На мой взгляд, роман Гребенщикова можно было бы с успехом рассматривать на русской почве и как роман-эпопею.

Далее в книге идет раздел об *утопии в литературе 1920-х – 1930-х гг.*, и здесь сначала Автор охарактеризовал основные научные понятия и представления о метажанре утопии, ее проблематике и поэтике², а затем рассмотрел забытые «романы о будущем» Петра Краснова, Николая Брешко-Брешковского, Андрея Ренникова, Владимира Крымова. При характеристике произведений этих авторов Е. Хинкиладзе продуктивно использует сопоставительно-сравнительный метод. Так, в частности, анализ романа Ренникова *Диктатор мира* (1925) ведется в соотнесении с первыми советскими утопиями Вивиана Итина *Страна Гонгури* (1922) и Якова Окунева *Грядущий мир. 1923–2123* (1923), а также с романом Алексея Толстого *Гиперлоид инженера Гарина* (1925–1927) и повестью Михаила Булгакова *Роковые яйца* (1924). В результате устанавливаются общие

² Странно, что в обзоре не упомянута коллективная монография *Истинность и ложность утопии. Вопросы утопических дискурсов*, „Colloquia Litteraria Sedlcensia”, t. XXIII, red. E. Kozaki L. Mnich, Siedlce 2016, 256 s., хотя в этой монографии опубликована статья Автора книги (с. 129–143).

механизмы структурирования «утопических» произведений (указываются и некоторые индивидуальные отличия), что позволяет определить характер межтекстовых связей: контактные, контрастные или даже конфликтные.

Стоит обратить внимание в этом разделе на романы бывшего генерала русской императорской армии, а с 1918 г. и атамана донского казачества Петра Краснова (1869–1947). Утопический роман генерала *За чертополохом* (1921), повествующий о том, как группа русских эмигрантов отправилась на поиски идеальной Руси, рассматривается Е. Хинкиладзе параллельно с историческим *От двуглавого Орла к красному знамени* (1921–1922), где речь идет о трагических событиях недавней русской катастрофы. Оба романа объединяет монархический пафос.

В следующей главе представлена *беллетристика в ориентации на классический образец*. Е. Хинкиладзе исходит из положения, что беллетрист во многом идет за открытиями выдающегося писателя, используя готовые жанровые формы, сформировавшиеся в предшествующей или современной ему литературе. Она отмечает яную ориентацию писателей-эмигрантов на русских и европейских классиков – Николая Гоголя, Ивана Тургенева, Василия Розанова, Даниеля Дефо (на прецедентные тексты опираются Сергей Минцлов (1870–1933) в повести *За мертвыми душами*, Андрей Ренников (1882–1957) в романе *Души живые*, а также в повести *Жизнь играт* и в рассказах *Будущие городничие*, *Стихотворение в прозе*, *Из мира неясного*, *Робинзон Крузо*). Писатели эксплуатируют заглавия, имена и фамилии персонажей, сюжеты, композиционные приемы, стилистику, пафос и проч. В текстах этой группы Е. Хинкиладзе отмечает плодотворные попытки авторов, с одной стороны, усвоения и развития традиции, с другой – «своеобразное отталкивание от нее» для решения индивидуальных творческих задач своего времени.

Наиболее интересная часть книги посвящена *синтезу элементов разных повествовательных жанров в беллетристике Владимира Крымова (1878–1968)*. Этот объемный раздел предварен биографической информацией, мемуарными свидетельствами (чаще негативными) современников о писателе суворинского окружения – Крымове-капиталисте, делавшем на всем деньги. Окружающие видели в нем «человека необычного, умного, сухого, к людям совершенно безразличного, делового» (Роман Гуль), «личность заурядную» (Кирилл Померанцев); его творчество характеризовали неоднозначно, отмечая сосуществование «внешней литературной умелости, некоторого сатирического дара и отсутствие чувства меры и вкуса» (Глеб Струве). Е. Хинкиладзе, вопреки суждениям современников и именитого историка, стремится с учетом перспективы времени и беллетристического фона 1920–1930 гг. подойти к своему герою непредвзято. Она справедливо видит в Крымове талантливого автора, а его романы считает качественной беллетристикой. Несмотря на то, что этим романам присущи, как она считает, «некоторая поверхностность, неровность, не всегда продуманная композиция, незавершенность сюжетных положений», есть в них и «занима-

тельность, и динамичность сюжета, освещение тех сторон жизни российского общества, которые далеко не всегда становились предметом художественного осмысления». Потребность в объективных оценках и обусловила пристальное внимание Е. Хинкиладзе к прозе Крымова в целом и его популярной трилогии *За миллионами* (1933) в частности. Анализ трилогии осуществляется в контексте таких непростых вопросов и проблем, как «память» жанра *плутовского романа и поэтика «автобиографизма»*; традиции жанра *семейно-бытового романа*; «*суворинская эстетика*» и роман с ключом; *психологический роман*; роман о писателе; *утопия и проч.* Каждый том трилогии, как устанавливает в результате тщательного исследования Автор, обладает определенной жанровой доминантой и соответственно эволюционирующей поэтикой, а трилогия в целом представляет собой сложный художественный синтез нескольких жанровых разновидностей. В монографии убедительно представлен результат усвоения и переработки Крымовым множества разнообразных элементов, «доставшихся ему по наследию», т. е. восходящих к традиционным в русской литературе жанрам с их характерной формообразующей семантикой.

Несомненная заслуга Автора состоит в том, что он привлек внимание к значительному пласту литературы русского Зарубежья, вернул в поле читательского внимания забытые имена и тексты. Особо отмечу и то, что в книге намечены некоторые очень перспективные проблемы, требующие более глубокого самостоятельного изучения; таковы, например, многогранная «суворинская» проблематика; русское евразийство; эстетический консерватизм и символистские веяния; документализм и художественность; пресса–издатель–писатель и мн. др. Монография таким образом выполняет не только результативную, но и инспирирующую функцию.

Вместе с тем есть в книге и некоторые позиции, явления, понятия, часто упоминаемые, но в надлежащей степени не прописанные. Например, Автор нередко использует словосочетание «низовая литература», но не наделяет его конкретным содержанием, не упоминает при этом ни имен, ни текстов. Или неоднократно *a priori* упоминает, что беллетристика 1920–1930-х гг. обращена к «сравнительно немногочисленной аудитории»; но какие-либо статистические данные при этом не приводит. А хотелось бы видеть аргументацию по этой позиции тем более, что «немногочисленность» артикулируется как характерная черта беллетристики Зарубежья. Стоило бы, наверное, припомнить хотя бы такие факты: Иван Бунин в речи *Миссия русской эмиграции* (1924) говорил: «нас ...рассеянных по миру около 3 миллионов»; нем. историк Ганс Римша указывал – 2 935 000; а Петр Ковалевский – 10 млн. (!)³. Много это или мало? В любом слу-

³ См.: П.Е. Ковалевский, *Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)*. Paris: Librairie des cinq continents 1971, с. 12–13.

чае немало. А ведь были еще переводы произведений русских эмигрантов на иностранные языки (только роман Краснова *От двуглавого Орла ...* был переведен в начале 1920-х гг. на 17 языков!). А русскоязычная тогда еще Польша и отчасти Финляндия, а также ряд славянских стран, читавших на русском языке? Можно ли в таком случае эту потенциальную аудиторию считать «немногочисленной» и с чем ее «сравнивать»? Одним из недостатков книги, затрудняющих ее чтение, является техническое исполнение: формально работа слабо структурирована; в основном тексте книги зачастую не указаны фамилии ни писателей, ни исследователей, даются просто цифровые отсылки⁴; не дифференцирована литература в библиографическом разделе (представлен общий алфавитный список); нет ни именного, ни предметного указателей.

Конечно, указанные недостатки снижают общее впечатление от книги. Но в целом монография украинской исследовательницы очень своевременна и, безусловно, полезна для всех, интересующихся литературой русского Зарубежья.

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

⁴ См., н-р: «К настоящему времени написана целая группа обобщающих исследований, представляющих историю литературы в хронологической последовательности и в связи с общим положением писателей-эмигрантов [6, 11, 12, 32, 38, 40, 43, 64, 67, 81, 85, 96, 129, 136, 154, 157, 160, 168, 177, 184, 201, 212, 214-217, 219, 257, 285, 299, 311, 321, 323]» (с. 11) или «Об исторической беллетристике уже написано довольно много [93, 176, 207, 238, 258, 262, 263, 271, 295, 355, 393, 432]» (с. 26).